

Научная статья

УДК 316.4

314

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ТУВИНСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1931 г.)

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, к.ф.н., учёный секретарь, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nod695596@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются особенности демографической, социально-профессиональной и социально-классовой структуры тувинского общества в период ТНР на основе материалов Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г. Исследованы численность, территориально-поселенческое размещение; социально-этнический состав, а также половозрастная и образовательная структура населения ТНР. По данным переписи проанализированы занятость, участие населения в общественных организациях, выборных должностях, а также отношения собственности и социальное расслоение населения.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, демографическая структура, социальная структура, социально-профессиональная структура, общественные организации, выборные органы, тувинские женщины

Для цитирования: Натсак О. Д. «Особенности демографической, социально-профессиональной и социально-классовой структуры тувинского общества (по материалам сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г.)» // Азиатские исследования: история и современность». 2024. №3 (11). С. 99-134
DOI: 24412/2782-6139-2024-3-11-99-134

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC, SOCIO-PROFESSIONAL AND SOCIO-CLASS STRUCTURE OF TUVAN SOCIETY (THE MATERIALS OF THE AGRICULTURAL AND DEMOGRAPHIC CENSUS OF 1931)

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com

Abstract. The article analyzes the features of the demographic, socio-professional and socio-class structure of Tuvan society in the period of the Tuvan People's Republic on the base of materials of the Tuvan Agricultural and Demographic Census of 1931. The author has investigated number, territorial settlement, socio-ethnic composition, as well as the gender, age and educational structure of the population of the TNR. There is an analysis of employment, participation of the population in public organizations, elected positions, as well as property relations and social stratification of the population.

Keywords: Tuvan People's Republic, demographic structure, social structure, socio-professional structure, socio-class structure, public organizations, elected bodies, tuvan women

For citation: Natsak, O. D. (2024) "Features of the demographic, socio-professional and socio-class structure of Tuvan society (the materials of the agricultural and demographic census of 1931)" // Asian Studies: History and Modernity, no. 3 (11), p. DOI: 24412/2782-6139-2024-3-11-99-134

Введение

В Тувинской Народной Республике (ТНР) дважды предпринимались попытки переписи населения – в 1925 и 1927 гг. В 1925 г. была проведена перепись тувинского населения, были выявлены численность населения – 52700 чел., а также образовательный уровень – грамотных было 106 чел., слабо грамотных – 286¹. В 1927 г. был составлен список кожуунов и сумонов с указанием количества дворов, с подразделением на сословия бедняков, середняков, кулаков, с указанием количества скота, имущества и сельхозинвентаря, и площади земли [Плеханова 2011, с. 27]. Таким образом, перепись 1925 г. зафиксировала отдельные социально-

¹ Материалы III Великого Хурала. 15 октября 1925 г. Научный архив ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, д. 10, л. 3.

демографические характеристики населения Тувы, а кампания 1927 г. была первой попыткой описания населения ТНР с позиции социально-классовой принадлежности на основе данных об имевшейся собственности. Эти данные имеют большую ценность, поскольку являются «точкой отсчёта» для исследования демографического развития населения Тувы в XX в.

Однако первой полной переписью в ТНР была сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. (далее – перепись 1931 г.)². Решение о проведении переписи было принято на VIII съезде ТНРП в 1929 г. Перепись была осуществлена по методологии, разработанной Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем, созданной при Коммунистическом университете трудящихся Востока (НИАНКП КУТВ) и усилиями большой группы исследователей. По просьбе Государственной плановой комиссии ТНР, которая тогда занималась разработкой 5-летнего плана развития ТНР, в Туву также прибыли экономисты, специалисты по планированию из Госплана СССР. Перед ними стояла задача разработки плана политического, экономического и культурного развития, в котором не было бы места частной собственности. План должен был быть основан на результатах статистического обследования, переписи, в этой связи не случайными являются структура и содержание опросника. Однако выбор времени проведения переписи оказался крайне неудачным с точки зрения того, что оно совпало с периодом серьёзной перестройки экономических отношений в стране – конфискацией имущества и начавшейся борьбой с частной собственностью. Перепись 1931 г. была проведена в период кардинальной смены политического курса тувинского государства, которая стала идеологической основой формирования новых классов, а также внедрения новых форм хозяйствования и уклада жизни населения. К моменту проведения переписной кампании прошло два года с начала этих преобразований (с 1929 г.), в 1931 г. шла еще конфискация имущества феодалов. В этой связи итоги переписи оказались во многом противоречивыми, разработанный план пятилетнего развития остался на бумаге, так как через два года после переписи, в 1933 г. в Туве началась новая хозяйственно-экономическая политика, тувинский вариант «НЭП», направленная на исправление реформ левого уклона.

² Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. Издание Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М., 1933. Вып. XI. 168 с.

Ценность и уникальность переписи 1931 г. заключается в том, что она зафиксировала картину изменяющегося общества с новыми характеристиками и зарождающимися классами, но в то же время сохраняющего остаточные черты прежней социальной структуры. Итоги переписи 1931 г. является единственным комплексным документальным источником, содержащим сведения, важные для понимания демографических и социально-классовых процессов, которые происходили в ТНР в начале 1930-х гг. Это, прежде всего, данные, касающиеся особенностей размещения населения, административно-территориальной организации тувинского государства, численности всего населения, численности коренного населения, этнонационального состава, а также половозрастной и социально-профессиональной, образовательной структуры населения. характер данных переписи 1931 г.

Данная перепись легла в основу систематического статистического наблюдения, которое затем было синхронизировано с советской государственной статистикой после вступления ТНР в состав СССР.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей демографической и социально-профессиональной структуры тувинского общества по материалам переписи 1931 г. Задачами являются исследование национального состава, половой и возрастной структуры населения, уровня образования, а также состава и структуры социальных и профессиональных групп. Объектом анализа выступает население ТНР, предметом – его демографические, социальные и профессиональные характеристики и структура.

В статье использованы общенаучные методы анализа социальной структуры, методы демографического и статистического анализа.

Информационным источником статьи стали данные Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г. Кроме того, автором использованы архивные документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Национального архива Республики Тыва (НАРТ), а также опубликованные архивные документы.

Научных работ советского периода, посвящённых анализу социальной структуры тувинского общества в период ТНР, немного. В работе П. А. Шахуновой и Б. Н. Лиханова о населении, хозяйстве Тувы мы находим небольшие сведения о распределении собственности у населения, принадлежавшего к разным социальным классам в 1930-е гг.

в ТНР и в 1950-е г. в Тувинской автономной области [Шахунова, Лиханов 1955]. Социально-классовая структура тувинского общества в период ТНР исследована Л. В. Гребневым в его работе о переходе тувинских аратов-кочевников на оседлость, в котором представлены сведения о смене принципов организации хозяйственной жизни тувинцев с 1929 г. – коллективизации аратских хозяйств, конфискации скота и имущества феодалов и передаче части беднякам, кооперации хозяйств [Гребнев 1955, с. 24]. Л. В. Гребнев и В. Ч. Очур более предметно исследовали социальную структуру тувинского общества более поздних периодов, начиная с 1940-х гг., и их работы преимущественно анализировали социальные процессы в Туве после присоединения к СССР. Важнейшим их исследованием является «Рабочий класс Тувы», изданное в 1971 г., в котором, в том числе, представлены количественные данные, характеризующие социально-классовую структуру, формируемый советский уклад хозяйства и бытовой организации жизни, положения женщин в социально-профессиональной структуре тувинского общества [Гребнев, Очур 1971]. Вопросами формирования рабочего класса в национальных районах Сибири, включая Туву, занимались бурятские ученые Б. М. Митупов, П. Т. Хаптаев, в обзорных работах которых в незначительной степени затрагивался и период ТНР [Митупов П. Т. 1971; Хаптаев 1971]. Особенности демографической структуры населения Тувы после присоединения Тувы к СССР анализировались Ю. Б. Рандаловым [Рандалов 1980].

Советские авторы обращались к данным переписи 1931 г. преимущественно в той части, которая касалась собственности на скот для описания социального неравенства в тувинском обществе в 1930-е г. Б. П. Бажутин, например, в исследовании кооперации в Туве отмечал классовые противоречия между беднотой и феодалами-баями на основе материалов переписи. [Бажутин 1967, с. 46].

Материалы переписи 1931 г. были использованы С. И. Вайнштейном в его работе «Историческая этнография тувинцев», в которой он, в частности, описывал с формы и отношения собственности в тувинском кочевом скотоводстве, особенности присваивающих форм хозяйства [Вайнштейн 1972].

Н. П. Иконников в своем исследовании о переходе Тувы от феодализма к социализму обращал внимание на демографические аспекты, а именно, на рост численности населения, этнический состав

хозяйств, половозрастную структуру населения и средний размер семей на основе данных переписи 1931 г. [Иконников 1968, с. 172-173]. Он также использовал сведения из переписи 1931 г., которые касались вопросов собственности на посевные площади и скот. Ценны расчёты Н. П. Иконникова по материалам переписи по поводу имущественного неравенства: около 32% тувинских хозяйств не имели посевов; 7,8% не имели крупного рогатого скота; 22, 2% – овец; 23,1 – коз, 10, 5% были безлошадными [Иконников 1968, с. 174]. Вместе с тем полагаем, что в его работе были некоторые неточности. Во-первых, размер хозяйств по переписи 1931 г. не совсем правильно отождествлять с размером семьи, так как семейная структура населения не обследовалась, а состав хозяйства могли входить не только члены семьи, которому принадлежало хозяйство, но и работники, не связанные с собственниками хозяйства родственными узами. Во-вторых, говоря о неимущих хозяйствах, он не уточняет территориальную принадлежность этих хозяйств. Нераскрытыми остались вопросы о том, относились ли 32% тувинских хозяйств, не имевших посевы, к хошунам, где есть посевные площади, или расчёт сделан применительно ко всем хозяйствам Тувы; рассчитаны ли доли хозяйств, не имевших скота, от общего числа скотоводческих хозяйств или от общего количества скотоводческих и земледельческих хозяйств. По ландшафтным особенностям горных и таежных районов Тувы в тувинских хозяйствах преобладали охотничий промысел и оленеводство, и там не было площадей, пригодных для посевов. Такого же уточнения требуют данные о доле хозяйств, не имеющих скота.

Изменениями в социальной структуре тувинского общества более предметно занимался Л. В. Гребнев, который посвятил этому вопросу ряд своих работ. Его методологический подход основывался на марксистской теории классов, и тувинские реалии 1920-1930-х гг. он описывал с помощью категориального аппарата, применявшегося к европейской истории. Так, он писал, что «население феодальной Тувы состояла из двух классов – феодалов и крепостного крестьянства» [Гребнев 1968, с. 48.]. К феодалам он относил потомственное чиновничество, родоплеменную знать, ламаистское духовенство, к крепостным крестьянам – аратов. В социально-классовую структуру тувинского общества накануне революционных событий в России в 1917 г. Л. В. Гребнев включал «класс эксплуататоров», куда входили феодалы и капиталистические элементы, и класс эксплуатируемых –

трудовые крестьянские массы» [Там же, с. 50-51]. Следует заметить, что крепостного крестьянства, тождественного русскому крепостному крестьянству, в Туве не было, однако в кочевых условиях передвижения аратов были ограничены пределами феодальных хозяйств. В данном случае мы видим издержки переноса теоретико-методологических схем, использовавшихся в советской исторической науке, на исследование восточных обществ.

Важным в работах Л. В. Гребнева, посвящённых социальной структуре тувинского общества, является фиксирование многоукладности. Положение об укладах было развито в работах В. В. Осиповой [Осипова 1961]. 1921-1931 гг. Л. В. Гребнев относил к первому этапу переходного периода от докапиталистических и капиталистических общественных отношений к социализму, когда был ликвидирован феодальный уклад. Он отмечал наличие в экономике республики феодального и частнокапиталистического укладов, а в социальной структуре – феодалов, торговцев-ростовщиков, баев и кулаков [Гребнев 1968, с. 54]. Там же он приводит данные о том, что в начале 1930-х гг. 4-6% населения сосредоточили в своих руках 25, 5% скота [Там же].

В. В. Осипова, защитившая в 1963 г. вслед за известным исследователем экономики Тувы Л. И. Тульчинским диссертацию по истории социалистического преобразования хозяйства в Туве [Натсак 2021, с. 3], посвятила отдельную статью о переписи 1931 г. как о важнейшем источнике характеристики экономического строя сельского хозяйства в Туве [Осипова 1961]. По материалам переписи 1931 г. В. В. Осипова, основываясь на собственности на скот, посчитала, что 40% хозяйств являлись бедняцко-пролетарскими; свыше 50% – середняцкими; 5-7% – феодально-байскими [Осипова 1961, с. 106]. Другими словами, бедными было менее половины хозяйств. Она выделила 5 укладов, сосуществовавших в 1931 г. в Туве: социалистический; мелкотоварный; патриархальный; феодальный; капиталистический [Там же, с. 121]. Исходя из этих укладов, она обозначила соответствующие им общественные классы:

социалистический уклад – рабочий класс и кооперированное крестьянство на стадии формирования;

мелкотоварный уклад – середняки; некооперированные кустари;

феодальный уклад – класс феодалов, араты;

капиталистический уклад – тувинские и русские кулаки и сельский пролетариат [Там же, с. 122].

Как видно из этого разделения на классы, применительно не ко всем укладам указаны классы виде антиподов. Также неясны критерии причисления населения к тем или иным классам. К примеру, кого причисляли к тувинским кулакам, не очень ясно. В классификации социальных групп, которые сформированы В. В. Осиповой на данных о количестве скота, представлены батраки и бедняки; маломощные середняки; середняки; зажиточные середняки; баи и феодалы, кулаки не указаны [Там же, с. 106].

Важным является то, что, отмечая черты экономических отношений, характерных для разных этапов развития общества и разных социально-политических систем, В. В. Осипова применила к ТНР концепцию многоукладности социально-экономических отношений, что, на наш взгляд, было наиболее обоснованным способом описания тувинского общества в тех условиях.

Таким образом, исследований, посвящённых анализу социально-классовых и демографических процессов в ТНР в 1930-е гг. мало, работы в большей степени затрагивают советский период. Исследовательский потенциал переписи 1931 г. до конца не раскрыт.

Социальная структура тувинского общества

Численность населения. Все население ТНР по материалам переписи 1931 г. составляло 82183 чел. По сравнению с более ранними периодами население Тувы заметно выросло: в 1914-1915 гг. в основных хошунах Тувы насчитывалось 56 300 чел. [Кабо 1934, с. 65], в 1918 г. – 60 тыс. чел., в 1921 г. – 63 тыс. чел.³ (Скорее всего, прирост за счет русских переселенцев).

Территориально-поселенческая структура. По материалам переписи 1931 г., Тува состояла из 6-ти хошунов (Барун-Хемчикского, Дзун-Хемчикского, Улуг-Хемского, Каа-Хемского, Тес-Хемского и Тоджинского). До 1921 г. было 9 хошунов (Хазутский, Тоджинский, Салчакский, Оюннарский, Шалык, Нибазы, Маады, Бейсе, Даа) [Кабо 1934, с. 64]. В ходе I Всетувинского съезда в августе 1921 г. было принято решение исключить из состава народа тувинское население Хазутского

³ Тува за 80 лет. Юбилейный статистический сборник. Государственный комитет Республики Тыва по статистике. Кызыл, 2001. 208 с. С. 11.

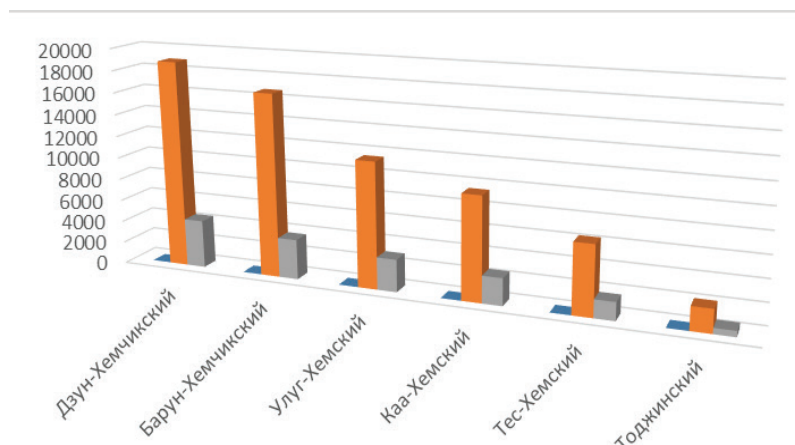
хошуна, «живущего в Монголии» [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 142]. Состав хошунов подвергался изменениям в 1923, 1924 гг. В 1923 г. были созданы Улуг-Хемский, Хемчикский хошуны, в 1924 г. Хемчикский хошун был разукрупнен на 2 отдельных хошуна – Дзун-Хемчикский и Барун-Хемчикский [Там же].

Наибольшая часть населения и хозяйств была сконцентрирована на Западе Тувы – в Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском хошунах, в которых проживало суммарно 35 542 чел. из 64 911 чел. населения Тувы, что составляло более половины всего коренного населения страны (54,75%). Самым крупным хошуном был Дзун-Хемчикский, численность населения которого насчитывало 18869 чел., а число хозяйств – 4369. Наименьшим количеством населения и хозяйств отличался отдалённый, труднодоступный Тоджинский хошун, занимавший обширную территорию на северо-востоке страны, в котором было зафиксировано 2115 чел. населения и 532 хозяйства (рис. 1). Улуг-Хемский хошун в центральной части Тувы был третьим по количеству сумо, населению и хозяйствам после Дзун-Хемчикского и Барун-Хемчикского хошунов.

Хошуны состояли из сумо. По количеству сумо самым многочисленным был Дзун-Хемчикский хошун, в состав которого входило 15 сумо, самым малочисленным – Тоджинский – 2 сумо, в Барун-Хемчикском хошуне было 13 сумо, Улуг-Хемском – 12, Каа-Хемском – 11, Тес-Хемском – 8. Всего в стране было 61 сумо.

Рис. 1

**Распределение числа сумо, населения и хозяйств
по хошунам ТНР в 1931 г.**

Источник: материалы переписи 1931 г.

Таким образом, всего в ТНР было 11 хошунов: 6 тувинских и 5 экстерриториальных, в которых находилось 17971 хозяйство – 15612 тувинских (86,87%), 2359 русских (13,13%).

Кроме того, спецификой административно-территориальной организации ТНР было то, что она дополнялась экстерриториальной структурой размещения русского населения. В данном случае под экстерриториальностью понималась внеземельность, т.е. отсутствие собственной земли русского населения, которое имело советское гражданство и было расселено по так называемым «советским хошунам», которые территориально накладывались на хошунную административную структуру тувинского государства [См.: Моллеров 2022]. Таких экстерриториальных районов с русским населением было 5: Шагонарский, Подхребтинский, Красногородский, Туранский, Мало-Енисейский. В них находилось 2359 хозяйств, самое большое количество хозяйств находилось в Туранском (770) и Подхребтинском (704) хошунах, кроме того, в Шагонарском было 247 хозяйств, Мало-Енисейском – 468, Красногородском – 170. Соответственно, наибольшее количество населения было сосредоточено в Подхребтинском (3584 чел.) и Туранском (3944 чел.) хошунах (рис. 2). (В мае 1932 г. после преобразования РСТК в комитеты советских граждан это деление изменилось. См. в той же монографии)

Рис2.

Распределение населения и хозяйств по русским (советским) хошунам ТНР в 1931 г.

Источник: материалы переписи 1931 г.

С точки зрения размещения населения по типу поселений нужно

отметить, что к моменту проведения переписи в ТНР был один город – столица государства – Кызыл, в котором находился 3771 человек, что составляло 4,59% всего населения ТНР. 968 чел. проживало в хошунных центрах. Таким образом, 95,41% социально-территориальной структуры населения 1931 г. составляли сельские жители.

Социально-этническая структура населения. Перепись 1931г. позволяет увидеть социально-этническую структуру населения тувинского государства. Этнический состав населения характеризовался преобладанием коренного населения – тувинцев, вторую по значимости этническую группу составляли граждане советского государства – преимущественно русские. Жителей тувинских хошунов было 64199 чел. (78,12%), русских или советских хошунов – 17270 чел. (21,02%). Однако было бы неправильно считать, что все жители советских хошунов были этническими русскими, их было большинство, но были и немногочисленные представители других народов, являвшихся советскими гражданами, как хакасы, мордвины, украинцы, белорусы, татары, латыши, эстонцы и др. Точно также в тувинских хошунах проживали незначительное количество иностранцев – китайцев, монголов, корейцев, оставшихся на территории Тувы после того, как большинство иностранцев, представлявших торговый и ростовщический капитал, покинуло территорию Тувы, китайские торговцы выехали в 1931 г. В материалах переписи 1931 г. есть данные только о корейцах, проживавших в советских хошунах. Корейцы были подданными Японии, по всем юридическим вопросам они обращались в японское консульство в Омске. В переписи 1931 г. не было указано гражданство корейцев.

Перепись 1931 г. задокументировала этническое соотношение двух наиболее крупных групп – тувинцев и русских. Кроме того, она показывает, что к 1931 г. завершился исход иностранцев, проникших в Туву в позднецинский период, кроме советских граждан.

Демографическая структура населения ТНР. По половозрастным признакам можно выделить несколько демографических характеристик, которые были свойственны для населения Тувы.

Мужчины в 1931 г. составляли 51,72% тувинского населения (33574 чел.), женщины – 48,28% (31337 чел.)⁴. Незначительное численное превышение мужчин было характерно и для русского населения, их доля

⁴ Расчёты процентов сделаны автором.

в общем числе русского населения составляла 50,23%.

Возрастная структура отличалась тем, что доля мальчиков до 13 лет в мужской популяции (33,60%) была ниже, чем доля девочек аналогичного возраста (35,78%) в женской популяции. Достоверных данных, на основе которых можно было бы исследовать причину этой разницы, нет. Нет оснований утверждать, что девочек рождалось больше или мальчики умирали чаще, так как нет данных о рождаемости. 51,81% мужского населения составляла возрастная группа 18–59 лет. Лица мужского пола в возрасте 60 лет и старше составляли лишь 5,94%, что указывает на низкую продолжительность жизни мужчин того времени и демографическую молодость населения в целом. Для сравнения рассмотрим данные о доле лиц аналогичного возраста в возрастной структуре якутского мужского населения в тот период – она была почти в два раза выше – 10,62%, однако доля мужчин-киргизов, например, в этой же возрастной группе была ниже, чем у тувинцев – 4,94%.

Больше половины женского населения составляли лица в возрасте 16–54 лет (50,57%), а к старшей возрастной группе 55 лет и старше относилось 7,76% тувинских женщин. Доля якутских женщин в этой возрастной группе равнялась 13,35%. В целом более низкая продолжительность жизни в мужской и женской популяциях в Туве по сравнению с отдельными северными народами РСФСР объясняется тем, что ко времени проведения переписи в Туве ещё не в полной мере была развёрнута советская модель здравоохранения и медицины, не были преодолены инфекционные заболевания. Именно с низкой продолжительностью жизни мы связываем тот факт, что мужское и женское население ТНР было очень молодым: суммарная доля молодых мужчин до 17 лет составляла 42,25% всего мужского населения, а девушек до 15 лет – 41,67% всего женского населения. Следует отметить, что эти данные также свидетельствуют о повышенной смертности женщин по сравнению с мужчинами.

Таблица 1

Возрастная структура тувинского и русского мужского и женского населения ТНР в 1931 г., в %⁵

Тувинское население				Русское население			
Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
до 13 лет	33,60	до 13 лет	35,78	до 13 лет	45,7	до 13 лет	46,48
14-17 лет	8,65	14-15 лет	5,89	14-17 лет	9,01	14-15 лет	5,4
18-59 лет	51,81	16-54 лет	50,57	18-59 лет	37,7	16-54 лет	39,3
60 и старше	5,94	55 и старше	7,76	60 и старше	7,52	55 и старше	9,18

Источник: материалы переписи 1931 г.

Как показано в таблице 1, в возрастных структурах тувинского и русского населения наблюдались различия: русское население оказалось более молодым, чем тувинское, доля мужчин до 17 лет составила 54,71%, женщин – 51,88%, что выше, чем в аналогичных возрастных группах тувинского населения. Кроме того, в возрастах мужчин 18-59 лет и женщин 16-54 лет удельный вес русского населения заметно меньше, чем тувинского населения в аналогичных возрастных группах. Полагаем, что эти особенности возрастной структуры русского населения Тувы являются следствием гражданской войны в России. В старших возрастных группах (60 лет и старше для мужчин, 55 лет и старше для женщин) показатели удельного веса русского населения выше, чем тувинского.

Особенностью переписи 1931 г. является то, что в ней отсутствуют данные, характеризующие социально-семейную и брачную структуру общества, эти вопросы были обследованы лишь в ходе переписи 1959 г., когда Тува находилась в составе СССР в статусе Тувинской автономной области. Вместе с тем можно увидеть средний размер тувинских и

⁵ Возрастные группы мужчин женщин в переписи 1931 г. не совпадали. Проценты рассчитаны автором.

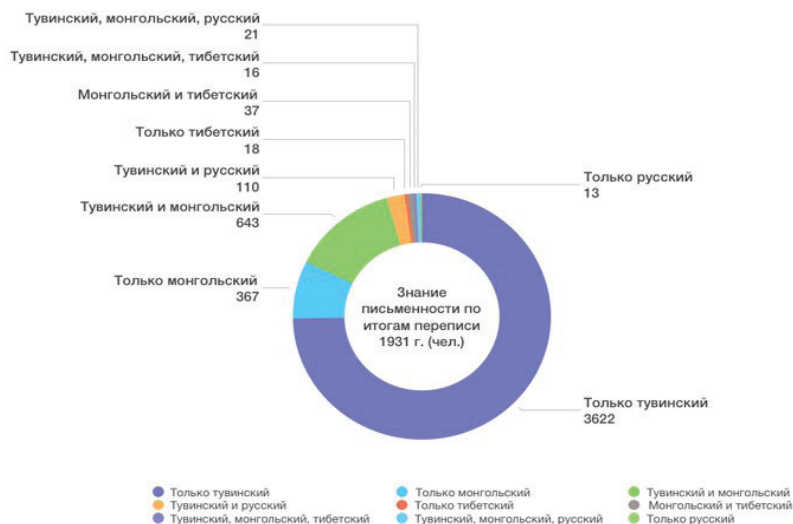
русских хозяйств, которые не совсем тождественны размеру семей. Средний размер тувинских хозяйств составляло 4,15 чел., русских – 5,15 чел.

Образовательная структура населения. В 1930 г. на государственном уровне была введена новая тувинская письменность, разработанная на основе латинизированного алфавита, и отказ от монгольского старописьменного. Обучение тувинской национальной письменности стало задачей государственной важности, не имеющей половых, возрастных ограничений. Это было одним из важнейших шагов к модернизации тувинского общества. Внедрение национальной письменности способствовало быстрому росту грамотного населения. Если в 1925 г. в Туве грамотных было всего 106 человек, то в 1931 г. их число выросло в десятки раз – всего 5076 чел. тувинского населения, из них мужчин было 4240 чел. (83,53% всего грамотного населения и 12,12% всего мужского населения), женщин – 836 (16,47% всего грамотного населения и 2,67 всего женского населения). При переписи в число грамотных включали тех, кто умел не только читать, но и писать. Умеющих только читать оценивали как полуграмотных и не учитывали в числе грамотных.

Данные, которые были скрупулезно собраны в ходе переписи 1931 г., показывают, что комбинации знания разных видов письменности, которые использовались в Туве, были следующие: 1. только тувинский; 2. только монгольский; 3. тувинский и монгольский; 4. тувинский и русский; 5. только тибетский; 6. монгольский и тибетский; 7. тувинский, монгольский, тибетский; 8. только русский; 9. тувинский, монгольский, русский. Всего 9 вариантов. Мы суммировали данные, представленные в разрезе хошунов, получилась по убывающему принципу следующая картина: только тувинской письменностью владели 3622 чел.; тувинской и монгольской – 643; только монгольской – 367; только тибетской – 185; тувинской и русской – 110; монгольской и тибетской – 37; тувинской, монгольской и русской – 21; тувинской, монгольской и тибетской – 16; только русской – 13 (Рис.).

Рис. 3

Распределение грамотного населения ТНР по знанию письменности в 1931 г.

Источник: материалы переписи 1931 г.

В цинский период и даже в первые годы ТНР грамотность выступала социальным признаком принадлежности к родовой знати, а также профессиональным группам цинского чиновничества и буддийского духовенства. Монгольский язык, по словам советского историка, исследователя Тувы В. И. Дулова, выполнял функцию «салонного языка тувинской знати», которая посылал своих детей в Монголию для обучения монгольскому языку и письменности [Дулов 1956, с. 205]. Тувинские женщины в основной массе своей не владели грамотой. Внедрение тувинской национальной письменности и придание вопросу ликвидации безграмотности государственной важности способствовали тому, что знание грамоты потеряло признаки сословной или социально-профессиональной принадлежности, а также высокого родового и социального статуса. В структуре языков и письменности, которыми владело население, также произошли изменения. В связи с изменениями в тувинском законодательстве в части, касающейся регулирования религиозных вопросов, деятельности монастырей, в

результате которых буддийские монастыри были закрыты, разрушены, а также с введением национальной письменности в 1930 г. изучение тибетского и монгольского языков теряет свою былую актуальность. В разворачивающейся тогда системе общего образования обучали национальной тувинской письменности, а по мере углубления культурных, образовательных связей с СССР все большее значение будет приобретать русский язык, который по итогам переписи 1931 года показывал весьма слабое проникновение.

Социально-профессиональная структура населения

Анализируя социально-профессиональную структуру общества по материалам переписи 1931 г., следует отметить группы, которые прекратили своё существование и влияние к моменту переписи 1931 г. В первую очередь, это тувинское чиновничество, которое ранее было встроено в административную систему маньчжурской империи. Несмотря на то, что цинская империя прекратила своё существование в 1912 г., система титулов и должностей, использовавшаяся для управления территорией и населением Тувы, была отменена лишь в 1923 г. 12 октября 1923 г. на I Великом Хурале, который являлся высшим органом государственной власти ТНР, было объявлено об отмене «административного деления служащих и чиновников по старому обычаю на *бейли, бейсе, хунду, чазак, дузалакчы, чагырыкчы, мээрэн, чалан, гун*, а также таких обычаев, как проведение религиозных молебнов, преподношение хадаков⁶; а также об освобождении всех старых чиновников⁷. По сути, отмена этой системы означала изменение социальной структуры тувинского общества и смену носителей власти в Туве. Тем не менее, экономические основы феодального хозяйства не были затронуты в 1920-е гг.

В переписи 1931 г. уже нет старой системы, есть служащие, лица, занимающие оплачиваемые и неоплачиваемые выборные должности. Однако во многих текстах, документах, в сведениях о социальном происхождении тех или иных лиц, в особенности, государственных деятелей правого уклона, членов правительства, которые подверглись политическим репрессиям, указывались отменённые и не существующие

⁶ Хадак – кусок материи, который преподносился гостю или чиновнику в знак уважения.

⁷ Сборник архивных документов «На перекрестке времени» / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 2014. С. 267

уже титулы и должности их самих и отцов, либо религиозные звания, должности.

Отсылки к прекратившей своё существование социальной системе имели политическое значение в классовой борьбе, объявленной руководством Тувинской народно-революционной партии в 1929 г. В отменённой системе титулов и должностей никогда не фигурировали женщины как их носители. Внедрявшаяся новая модель власти и законы, на которые она опиралась, требовала участия женщин. С середины 1920-х гг., а более активно после 1929 г., партийно-государственная статистика начинает передавать количество женщин, вошедших в число административной и общественно-политической элиты ТНР. На первых этапах существования тувинской государственности многие представители старого чиновничества состояли в органах государственного управления Тувы и выборных должностях местного уровня, однако после объявления борьбы с правым уклоном в 1929 г. и в результате выборов в местные органы 1930 г. и партийно-государственных чисток были смещены со своих позиций и заменены лицами из числа бедноты.

Частные торговцы, ростовщики – еще одна социальная и профессиональная группа, прекратившая своё существование в период ТНР, в которой также женщины не были представлены. К моменту проведения переписи 1931 г. в социальной структуре тувинского общества уже отсутствовали такие группы. Торговый капитал в Туве до 1921 г. принадлежал иностранцам: китайцам, русским, а ростовщический – также китайцам, в меньшей степени русским. В 1926 г. в ТНР была объявлена государственная монополия на внешнюю торговлю, а в Конституции ТНР 1930 г. был расширен список категорий граждан, которые не могли пользоваться избирательными правами за счет более жесткого использования политического ценза, чем в предыдущей Конституции 1926 года. Это были социально-профессиональные, социально-политические, политические группы, в том числе те, кто вёл деятельность в частном коммерческом секторе: частные торговцы и ростовщики, лица, живущие на нетрудовой доход, проценты с капиталов, доходы с предприятий, поступления с имущества [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 45]. Сеть частных торговцев и иностранный торговый капитал стали вытесняться сетью кооперативной торговли под эгидой созданного в 1924 г. Тувинского центрального кооператива [История

Тувы 2007, с. 178-179]. В 1929-1930 гг. из внутреннего товарооборота окончательно были вытеснены частные торговцы-перекупщики [Там же, с 181].

В этот период в ТНР начала формироваться новая социально-профессиональная структура населения, которое стало осваивать направления деятельности, не связанные с традиционными скотоводством и земледелием.

Всего лиц, не связанных с сельским хозяйством, было 6097 чел. Это были рабочие, служащие, кустари, батраки, стипендиаты, нетрудовые категории. Из них 3809 (62,47%) имели несамостоятельные занятия, то есть трудились по найму организаций в том числе, чернорабочими с длительным наймом в государственных и кооперативных организациях; поденщиками; пастухами, пасшими скот Тувинценкоопа; горнорабочими и хозяйскими работниками, нанятыми Горным управлением и др.).

К лицам, имевшим самостоятельные занятия, были отнесены охотники, рыболовы, соляные промысловики, сборщики ягод и орехов, продукция которых сбывалась Тувинценкоопу и частным лицам. В эту же группу входили лица, самостоятельно добывавшие минеральную краску, известь, глину; кустари: кузнецы-ювелиры, шорники, кустари по мрамору; ламы, шаманы; возчики товаров и леса. Всего их было 2288 чел. (37,53%). Отличительными особенностями данной группы были индивидуальный характер работы, не по найму, результаты которой принадлежали частным лицам, не государственным и кооперативным организациям. Труд представителей данной группы был направлен на добычу ископаемых; кустарное производство продукции; оказание услуг, отношения по поводу продажи, оказания которых можно назвать рыночными.

К лицам, ведущим нетрудовые виды деятельности, были отнесены ламы и шаманы.

Таблица 2

**Социально-профессиональные группы населения ТНР,
не связанные с сельским хозяйством в 1931 г.**

Социально- профессиональные группы	Всего	Мужчины	Женщины	Доля женщин, % ⁸
Рабочие	2802	1609	1193	42,6
Служащие	1823	957	866	47,5
Кустари	538	292	246	45,7
Крестьяне	459	336	123	26,8
Батраки	61	20	41	67,2
Стипендиаты	409	276	133	32,5
Нетрудовые	5	3	2	40

Источник: материалы переписи 1931.

Создание основ национальной промышленности в ТНР требовало рабочих, и именно с него начинается процессы формирования класса рабочих. Труд рабочего, как и служащего, предполагал наёмный характер, полную занятость, профессиональное занятие каким-либо направлением деятельности, а для женщин – отрыв на время работы от семейных, домашних обязанностей и выход на рынок оплачиваемого труда. Кустарничество основывалось на ремесленных навыках мужчин и женщин, которые ранее имели гендерную специализацию и использовались в домашнем труде. Тувинские мужчины исторически занимались кузнечным, литейным, столярным, шорным ремеслами, занимались катанием войлоков, портняжным, сапожным делом [Дулов 1956, с. 109]. Женщины же занимались шитьём платьев, обуви, выделывали кожу и изготавливали некоторые другие предметы домашнего обихода [Там же]. В целях развития национальной экономики нового государства ТНР кустарные навыки мужчин и женщин стали использоваться для организации простейших форм кооперации и производства товаров для нужд государства и населения, ранее кустарный труд использовался преимущественно для нужд домашнего хозяйства.

Стипендиатами называли обучающихся, которые из государственной казны получали денежное довольствие в период обучения. Это

⁸ Доля женщин рассчитана автором.

также была новая группа в социальной структуре населения, которая начала формироваться лишь в условиях самостоятельной тувинской государственности.

Обучающиеся были самой большой группой среди категории отсутствовавших в момент переписи лиц. Речь идет о населении, которое отсутствовавшего в аалах (кочевьях) в момент переписи в течение месяца и более. Это были лица, чья занятость была локализована за пределами их мест жительства. В данном вопросе мы усматриваем начало нового для тувинцев социального явления, как внутренняя трудовая и образовательная миграция населения. Всего отсутствовавших мужчин было 1682 чел., женщин – 201. Во всех категориях отсутствующих (рабочие, служащие, учащиеся, прочие) мужчин было больше.

Таблица 3

**Мужчины и женщины в категории «отсутствовавшие»
по материалам переписи 1931 г.**

Социально- профессиональные группы	Всего	Мужчины	Женщины	Доля женщин, %
Рабочие	288	288	-	0
Служащие	203	190	13	6,4
Учащиеся	768	591	177	23,05
Прочие	624	613	11	1,76
Всего	1883	1682	201	10,67%

Источник: Материалы переписи 1931 г.

Как показано выше в таблице, формирование социально-профессиональной структуры тувинского населения сопровождалось активизацией миграционной подвижности населения, и на первых этапах это было характерно в большей степени для мужчин.

В этих процессах женщины отставали от мужчин, так как значительная часть женщин оставалась в рамках традиционных социальных норм о роли и месте женщины, обременены домашним трудом, функциями заботы о детях и других членах семьи. Не случайно в этой связи женщины количественно больше были представлены в социальной группе батраков, которая ещё сохранялась в 1930–е гг., но

уже не соответствовала идеологии борьбы против эксплуатации человека человеком и исчезала из социальной структуры общества. Несмотря на отставание женщин, их удельный вес приближался к показателям мужчин среди служащих, кустарей, рабочих.

Женское батрачество в Туве имело длительную историю, как правило, этот вид труда был характерен для бедных слоёв населения, которые прислуживали и выполняли домашнюю работу более богатых родственников и тех, кто не был связан с ними родственными узами.

Батрачество, как элемент социальной структуры тувинского общества, постепенно сокращалось к 1930-м гг. В классовой борьбе, начатой Тувинской народно-революционной партией в 1929 г., батрачество совместно с беднотой противопоставлялось «феодално-байским элементам» и ламству. Так, особенностью избирательной кампании в местные органы власти, состоявшейся в ТНР в 1930 г., стало «сосредоточение органов власти в руках батрачества, бедноты, середняков за счёт лишения избирательных прав и недопущения к выборам феодално-байских элементов, включая шаманство и абсолютное большинство ламства»⁹. Батрачество становилось объектом влияния и специальной работы партийных органов¹⁰ и политической мобилизации вокруг конфискации имущества бывших феодалов и духовенства¹¹. Одной из претензий к правому уклону после перехода политической повестки и власти к левым становится обвинение в недооценке и игнорировании батрачества и пастушества¹².

В 1931 г. было принято постановление ЦК ТНРП о работе среди батрачества и пастушества, в котором указывалось на неурегулированность рабочего времени, отсутствие трудовых договоров, денежной оплаты их труда: «Рабочее время батраков, находящихся в зажиточно-байских хозяйствах, совершенно не ограничено, что создает условия большего закабаления и эксплуатации батраков. Абсолютнейшее большинство батраков работают без каких-либо договоров, регулирующих батрацкий труд в зажиточно-байских хозяйствах, а также в середняцких. Значительная часть батраков эксплуатируются под видом родственников, что трудно удается выявить,

⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 65.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 56.

¹¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 50, л. 6.

¹² РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 50, л. 9.

ввиду сокрытия такового самими батраками. Абсолютнейшее число батраков не получает никакой зарплаты, а их труд «компенсируют» продовольствием и ношением хозяйских шуб и халатов, обуви, что является крайне кабальным и ничего общего с компенсацией по существу не имеет»¹³.

Как мы видим, поднимались вопросы трудовых прав, оплаты труда батраков, попытку формализовать требования к компенсации батрацкого труда. Этими вопросами занимались создаваемые профсоюзы. Поскольку батрацкий труд был построен на основе обслуживания хозяйства богатых и зажиточных родственников и не родственников, женщин среди них было больше.

Данная группа окончательно исчезнет из социальной структуры тувинского общества к моменту присоединения ТНР к СССР, благодаря перераспределению собственности и богатства в результате конфискации имущества бывших феодалов, структурной перестройке принципов хозяйствования через строительство колхозов, а также законодательному, прежде всего, конституционному урегулированию прав человека в ТНР. Так, по данным П. А. Шахуновой и Б. Н. Лиханова, к 1930 г. более 30% скота находилось у феодалов и лам, которые составляли менее 5 % населения, через 10 лет уже свыше 98% поголовья скота Тувы находилось в руках аратов, государственных хозяйств (госхозов) и тожземов [Шахунова, Лиханов, 1955, с. 85].

Анализ социально-профессиональной структуры тувинского общества будет неполным без рассмотрения групп лиц, основной сферой деятельности которых являлись религиозные культы. К моменту проведения переписи 1931 г. в ТНР шёл третий год антирелигиозной и классовой борьбы, в результате которой значительно сократилось количество буддийского духовенства и шаманов: ряды духовенства не пополнялись за счёт ученичества, так как был установлен запрет на приём в «хувараки» несовершеннолетних, многие ламы низших рангов переходили в светское состояние и стали заниматься сельскохозяйственным трудом, из-за налогового давления происходил самороспуск монастырей, тибетская медицина и шаманское врачевание были объявлены вне закона [Натсак 2022].

¹³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 173, д. 46, л. 206-207. Постановление ЦК ТАРП №102 от 1 сентября 1931 г. «О работе среди батрачества и пастушества».

Перепись 1931 г. зафиксировала в ТНР следующее количество буддийских лам и шаманов: 787 буддийских лам, все были мужчинами; всего 742 шамана, в том числе, 314 шаманок. Женщины составляли 42,32% всех шаманов Тувы в 1931 г.¹⁴

Ламы и шаманы были не только социальными, но и профессиональными группами, которые выполняли духовно-религиозные, медицинские, астрологические функции. В ходе переписи отмечались все служители культа – ламы и шаманы вне зависимости от того, продолжали ли они на тот момент заниматься отправлением культа или прекратили эту деятельность. Деятельность тех, кто продолжал заниматься отправлением культов, в переписи 1931 г. была отнесена к «несельскохозяйственным нетрудовым занятиям», внутри которых были подразделы: «лекарство». «шаманство».

Эти сферы позже оказались полностью секуляризованными, образовали, по терминологии П. Бергера, «освобождённые территории» [Бергер 2020, с. 922]. К 1944 г. в социально-профессиональной структуре тувинского общества уже не было сколько-нибудь значимых групп, связанных с религиозными культами как родом профессиональной занятости. Поскольку буддийская церковь как институт строилась на иерархических принципах, с её разрушением социальные иерархии, которые были основаны на монастырских должностях, званиях, учёных степенях, потеряли социальную значимость в тувинском обществе.

По материалам переписи 1931 г. можно проследить развитие в тувинском обществе новых общественных структур и органов власти. В общественных организациях и выборных органах мужчины закономерно составляли большинство, а женщины – меньшинство в силу того, что внедрение новых социальных норм сталкивалось с необходимостью ломки традиционных норм, открытым и негласным сопротивлением со стороны населения, кроме того, целенаправленное привлечение женщин к общественно-политической деятельности активизировалось лишь с 1929 г.

¹⁴ Расчёты процентов были сделаны автором.

Таблица 4

**Распределение членов общественных организаций
и лиц, занимавших выборные должности по полу¹⁵**

Организации и выборные должности	Мужчины	Женщины	Доля женщин
Тувинская народно-революционная партия	4141	1042	20,1%
Тувинский революционный союз молодёжи	3213	1890	37,04%
Профсоюзы	1883	301	13,78%
Кооперация	14040	5567	28,39%
Выборные должности	2332	357	13,28%
Всего	25609	9157	26,34%

Источник: Материалы переписи 1931 г.

Как показано в таблице 4, наибольшее количество граждан было охвачено кооперацией и народно-революционной партией.

Доля женщин в политических организациях разнится существенно: в Тувинском революционном союзе молодёжи (ТРСМ), созданном в 1924 г., была более высокая доля женщин, нежели в Тувинской народно-революционной партии. Такая дифференциация была обусловлена возрастными и поколенческими особенностями – молодёжь быстрее адаптировалась к изменяющимся социальным и политическим реалиям и усваивала новые социальные нормы.

Вступление мужчин и женщин в профсоюзы означало формирование социально-профессиональной структуры тувинского общества, в которой они впервые начали идентифицировать свою принадлежность к профессиональным группам. Создание в ТНР профсоюзов в 1927 г. происходило в условиях, когда рабочий класс и национальная промышленность находились в зачаточном состоянии, но было много батраков, как тогда считалось, сельских пролетариев.

Кроме того, перепись 1931 г. показывает проникновение женщин в простейшие крестьянские формы кооперации – в ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) и ТУЖы (товарищества по улучшению животноводства), ТОЖЗЕМы – товарищества по организации животноводства и земледелия) формировавшиеся государством колхозы и госхозы. По доле участия женщин кооперация стояла на втором месте после ТРСМ.

¹⁵ Доля женщин рассчитана автором.

Меньше всего была доля женщин в выборных должностях: это были секретари партийных и ревсомольских ячеек сумонного и хошунного уровней, партийные организаторы, члены контрольных комиссий, профделегаты, женорганизаторы, работники красных уголков, старосты сумонов, председатели правлений колхозов, члены ревизионных комиссий¹⁶.

Социально-классовая структура тувинского общества

Материалы переписи 1931 г. показывают распределение главного капитала хозяйств кочевых тувинцев – скота. Всего в тувинских хозяйствах насчитывалось 1054413 голов скота, преимущественная часть которых была сосредоточена в индивидуальных хозяйствах, незначительная часть в госхозах и колхозах.

Из 1 108 625 голов скота, из них 1 054 413 голов находилось в тувинских хозяйствах, 10 577 в монастырских хозяйствах, 3086 в госхозах. Таким образом, в 1931 г. госхозах было аккумулировано менее 1% процента, а в монастырях 1% всего поголовья скота тувинских хозяйств.

По количеству скота можно определить соотношение крайне бедных, бедных, середняков и богатых в тувинском обществе.

Таблица 5

Количество скота в хозяйствах в ТНР

№	Количество скота	Количество хозяйств	Доля в общем числе хозяйств, % ¹⁷
1	До 5 бодо ¹⁸	2508	16,03
2	От 5,01 до 10 бодо	4242	27,11
3	От 10,01 до 20 бодо	4950	31,63
4	От 20,01 до 30 бодо	2138	13,66
5	От 30,01 до 40 бодо	828	5,29
6	От 40,01 до 50 бодо	427	2,73
7	От 50,01 до 80 бодо	389	2,49
8	От 80,01 и более бодо	166	1,06

Источник: перепись 1931 г.

¹⁶ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. 1933.С. 6.

¹⁷ Рассчитано автором.

¹⁸ Бодо – 1 голова крупного рогатого скота или количество мелкого рогатого скота, которое приравнивалось к 1 голове крупного рогатого скота.

К нижней ступени материального благополучия относилось 16,03% хозяйств, имевших до 5 бодо, их можно назвать крайне бедными. Наиболее близкая к ним группа хозяйств, располагавших до 10 бодо, составила 27,11%, их мы относим к бедным. Самая богатая группа хозяйств обладала от 80 и более бодо, таковых оказалось всего 1,06%. К богатым также можно причислить те хозяйства, которые владели от 50 до 80 бодо (2,49%). Суммарно бедных хозяйств было 43,14%, богатых – всего 3,57. На основании этих данных можно полагать, что удельный вес бедных хозяйств был высоким, меньшинство – богатыми. Данное соотношение групп является условным, так как одновременно с переписью шли процессы конфискации скота у феодалов.

Кредиты. Из 15648 обследованных в ходе переписи хозяйств 8501 или 54,33 %¹⁹ получили кредиты, из них в банке (Тувинбанке) и у кооперации (Тувинценкоопе) – 1619 (10,35% всех хозяйств) большая часть – 7468 (47,72% всех хозяйств) у частных лиц. Из хозяйств, воспользовавшихся заемными средствами, 35,78% получили их в виде денег, 31,23% в натуральном виде, 25,91% – деньгами и натурой, 3,81% – товарами и 3,26% – смешанной натурой (табл.). 6941 (44,36%) всех хозяйств в том или ином виде выступали кредиторами, предоставляя в долг материально менее ресурсным хозяйствам денежные средства, скот, товары.

Таблица 6

Хозяйства ТНР, получившие и предоставившие кредиты по материалам переписи 1931 г.

№	Виды	Хозяйства предоставившие кредит		Хозяйства, получившие кредит	
		Число	Доля в общем числе хозяйств, предоставивших кредит, %	Число	Доля в общем числе хозяйств, получивших кредит
1	Всего	6941	100	8501	100
2	в том числе, деньгами	2124	30,6	3042	35,78
3	натурой ²⁰	2695	38,83	2655	31,23
4	деньгами и натурой	1592	22,94	2203	25,91
5	натурой товарной	298	4,29	324	3,81
6	натурой смешанной	234	3,37	277	3,26

Источник: перепись 1931 г.

¹⁹ Проценты рассчитаны автором.

²⁰ В данном случае под «натурой» имеется в виду продукция животноводства – молоко, шкуры, шерсть.

Наибольшая доля хозяйств, выполнявших роль кредиторов, передали в долг скот – 38, 83%, меньше всего передали смешанную натуру, которая могла состоять из скота и продукции.

Передача скота «на прокорм» и на «удой». Кроме кредитов в 1931 ещё существовала старая система сдачи скота на прокорм бедным хозяйствам, найма и сдачи молочного скота «саап ишкен», которая показывает сохранившееся с цинских времён имущественное расслоение тувинского населения. Скот на прокорм бедные индивидуальные хозяйства в период ТНР начали получать у госхозов, кооперации, монастырей, колхозов, у русского населения. 2054 хозяйств (13,13% всех хозяйств) обеспечивали себя и выживали, получив чужой скот на прокорм, а хозяйства, предоставившие скот (1458 или 9,32% всех хозяйств), оставались собственниками переданного скота и его приплода. Если в цинский период скот на прокорм брали у монастырей, феодалов, лам, русского населения, но в новое время²¹ в эту систему экономических отношений были включены хозяйства с новыми организационными формами – госхозы, колхозы, кооперация. Всего к моменту переписи 1931 г. было передано на прокорм 104 358 голов скота. 68 бедных хозяйств получили скот у госхозов и кооперации, 60 хозяйств – у монастырей 17 – у колхозов, 57 – у русского населения ТНР.

Монастырский скот был передан беднейшим слоям тувинского населения в 1929 г. для выпаса на договорных отношениях, когда в ходе антирелигиозной борьбы монастыри стали терять свое экономическое положение [Очерки истории 1975, с. 84].

Сдача и найм скота и инвентаря. Кроме этого, существовали арендные отношения – неимущие хозяйства нанимали скот и инвентарь для хозяйственных нужд, а материально обеспеченные хозяйства их сдавали. Первых было количественно больше, чем вторых. 3861 хозяйство вынуждено было нанимать их что составляло 24,67% всех обследованных тувинских хозяйств. Сдавало скот и инвентарь 2832 или 18,1% всех хозяйств. Таким образом, у 24,67% хозяйств не имелось средств производства.

Преимущественная часть инвентаря и построек находилась в индивидуальных хозяйствах – тувинским хозяйствам принадлежало 12899 юрт, 2214 изб, русским – 2286 изб. Монастырские хозяйства имели

²¹ После 1921 г.

9 юрт, 20 домов, 19 хозяйственных построек, 6 плугов, 1 сенокосилка, что свидетельствовало о разрушении основ их экономической мощи и влияния. Механизированная техника относилась исключительно госхозам и колхозам, всего в стране было 9 тракторов.

Обобществление собственности только начиналось, в этой связи большей частью инвентаря и построек владели частные хозяйства.

Найм работников. На особенности социально-классовой структуры тувинского общества указывает на то, что 10,6% (1658) тувинских хозяйств в период переписи продолжали нанимать работников для пахоты, пастьбы скота, возки леса и батрачества. Богатые хозяева нанимали бедняков также на несение натуральной повинности – уртели, отправляя на эти работы вместо себя другого человека; на соляной промысел, охоту; на «битие шерсти»; на уборку хлеба признаки. Чем богаче было хозяйство, тем больше было нанимаемых лиц. Но минимальные и максимальные показатели количества привлекаемых к работам лиц по найму от 1,2 до 1,7 чел. указывают на то, что их не так много было. Платили за работу деньгами (665 хозяйств), скотом (507), питанием (193), одеждой (180), предоставлением возможности пользоваться скотом (244), чаем, табаком, далембой²² (136).

В Конституции ТНР, принятой за год до переписи, в 1930, в части декларации прав трудящихся аратов было указано: «Конституция Тувинской Аратской Республики имеет своей целью гарантировать диктатуру трудящихся аратских масс в целях подавления феодалов, баев, теократов и уничтожения всякой эксплуатации человека человеком»²³. В Конституции было указано, что не могут избираться и быть избранными: лица, «добывающие средства путем эксплуатации другого с целью наживы; частные торговцы, ростовщики, лица, живущие на нетрудовой доход, проценты с капиталов, доходы с предприятий, поступления с имущества; ламы, шаманы, для которых религиозные культы являются профессией» и другие²⁴. Как было показано выше, 44,36% всех хозяйств выступали кредиторами для менее обеспеченных хозяйств; 9, 32% хозяйств передавали скот на «прокорм» и «удой»; 18,1% хозяйств сдавали в найм скот и инвентарь; 10,6% хозяйств нанимали работников. Суть процитированных выше положений Конституции ТНР 1930 г.

²² Далемба – хлопчатобумажная ткань.

²³ Конституция 1930 г. / Конституции Тувы 1921-1993 гг. Сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РФ СССР. Кызыл: Тувинское книжное издательство. Сост. В. А. Дубровский. 1999. 216 с. С. 50.

²⁴ Там же. С. 56.

заклучалась в объявлении этих видов деятельности вне социально-нормативной структуры общества, но перепись 1931 г. показывает, что между декларацией этих принципов в основном законе тувинского государства и фактической реализацией была определённая временная дистанция.

Как выше отмечалось, перепись совпала с началом конфискации имущества и скота феодалов и бывших чиновников. В феврале 1931 г. Политбюро ЦК ТНРП приняло постановление о принципах конфискации, затем были сформированы центральная и хошунные комиссии для проведения кампании, и за 1931 г. было конфисковано скота, который приравнялось к 18578 единицам крупного рогатого скота [Очерки истории 1975, с. 83]. В этой связи в переписи 1931 г. нашла отражение социально-классовая структура тувинского общества, которая уже разрушалась в ходе перераспределения государством ресурсов и частной собственности. Считается, что благодаря экспроприации имущества и скота крупных собственников были решены задачи антифеодальной борьбы, при этом социально-экономические проблемы углубились.

Заклучение

Материалы переписи показали рост численности населения ТНР на 30,4 % по сравнению с данными на 1921 г., на 37% по отношению к данным 1918 г. и на 46% по отношению к данным 1914-1915 гг. Таким образом, за десятилетний период тувинской государственности с 1921 по 1931 гг. произошёл существенный рост населения Тувы.

Территориально-поселенческая структура населения ТНР 1931 г. показывает, что, во-первых произошло укрупнение хошунов, которых в начале XX в. было 9, во-вторых, – потеря Хазутского хошуна, на который не распространилась юрисдикция нового тувинского государства и население которого было оторвано от материнского этноса. Как и в начале XX в., большая часть человеческих ресурсов была сконцентрирована на западе Тувы. Данный факт исторически был связан ландшафтными особенностями западных территорий, пригодных как для скотоводства, так и для земледелия, и в этой связи там с XIX в. сосредотачивался иностранный торговый капитал.

Особенностью административно-территориальной организации ТНР являлось сочетание территориального и экстерриториального размещения населения, которое определяло национально-этническую композицию населения. В ТНР, как было показано, преобладало

коренное население, но присутствовало дисперсное расселение русского населения – граждан сопредельного советского государства. Среди советских граждан, главным образом русских, был немалый отток в годы гражданской войны, в годы коллективизации и политических репрессий, их численность в рассматриваемый период обеспечивалась за счет естественного прироста.

Перепись 1931 г. показала начальные этапы урбанизации населения ТНР, лишь 4,59% всего населения относилось к жителям единственного города Кызыла (Белоцарска, начало строительства которого было положено в 1914 г.).

Половозрастная структура населения ТНР, согласно данным переписи 1931 г., отличалась небольшим перевесом мужчин, большим удельным весом молодого населения, долей лиц старше 60 лет ниже 8%, что указывает на демографическую молодость населения по шкале демографического старения, а также на высокий уровень смертности населения. При этом русское население ТНР оказалось более молодым, чем тувинское.

Средний (численный) размер русских хозяйств был выше по сравнению с тувинскими (5, 15 и 4,15 соответственно), что косвенно может свидетельствовать о разнице в показателях рождаемости и выживаемости детей в патриархальных семьях русских и тувинцев.

В образовательной структуре населения отмечается преобладание грамотного мужского населения, многократное ускорение темпов преодоления безграмотности после введения тувинской национальной письменности. Обращает на себя внимание полиязычность грамотного населения, структура которой изменится в последующие этапы в связи с потерей социально-политической и религиозной роли монгольского и тибетского языков и усилением значимости русского языка для социально-политической успешности граждан.

Из социально-нормативной структуры тувинского общества в 1923 г. были законодательно исключены чины, которые служили основанием прежней социально-управленческой иерархии. К моменту переписи они отсутствовали как социальная группа.

В связи с объявлением в 1926 г. государственной монополии на внешнюю торговлю, а также начавшейся кооперацией из социально-профессиональной структуры тувинского общества исчезли в начале 1930-х гг. частные торговцы и ростовщики. В социально-

профессиональной структуре населения сохранялись такие группы, как батраки, нетрудовые в лице лам и шаманов, появились новые – рабочие, служащие, стипендиаты.

В общественных политических организациях и выборных органах мужчин было больше, чем женщин. Кооперация и профессионализация населения сопровождалась привлечением населения в профсоюзы.

Перепись 1931 г. не содержит данных о том, под какие условия (сроки и процентные ставки) предоставляли кредиты Тувинбанк, Тувинценкооп, а также частные хозяйства. Можно отметить тот факт, что дефицит материальных средств как кочевых животноводческих, так и полеводческих хозяйств, связанный с их сезонным характером получения продукции, оставался достаточно острым. Более половины хозяйств имели долги перед кредиторами. В отличие от начала XX в. средства хозяйствам начали ссуживать не иностранные ростовщики, деятельность которых была запрещена, а новые централизованные организации и частные хозяйства местного населения.

Перепись 1931 г. показала, что в экономических отношениях в стране ещё участвовал частный капитал, доля банковских кредитов в общем числе займов была значительно меньше, чем средств частных хозяйств, которые заняли нишу иностранного торгового и ростовщического капитала, изгнанного из страны. Частная собственность на средства производства на возмездной основе передавалась в аренду.

В 1931 г. большая часть скота и сельскохозяйственного инвентаря находилась в частной собственности в индивидуальных хозяйствах, хозяйства получили возможность получения кредитов в банке. Характер экономических отношений, которые можно выявить по материалам переписи (найм и сдача скота, инвентаря, использование наёмного труда бедняков в частных хозяйствах, предоставление частными хозяйствами другим хозяйствам продукции, скота и денежных средств в кредит) свидетельствуют о том, что в Туве создавались предпосылки для развития своей собственной национальной буржуазии, что было политически опасно для левых. К концу 1920-х и начал 1930-х г. Тува стояла в развилке, которая, с одной стороны, могла увести в капиталистическое развитие, с другой стороны – по пути некапиталистического развития. Не без влияния Коминтерна, который с опорой на идеи классиков марксизма-ленинизма о некапиталистическом пути развития для стран Востока координировал вопросы дальнейшего развития Тувы, руководство страны выбрало второй вариант, как и Монголия. В

этой связи одновременно удары были нанесены, в том числе, через фискальную политику по монастырским хозяйствам для ослабления их экономической основы, затем по бывшим феодалам через конфискацию их имущества и передачу его в коллективные хозяйства.

Несмотря на конституционную декларацию борьбы с эксплуатацией человека человеком, феодалами как классом, и социально-политические изменения республиканского периода, в 1931 г. социальное расслоение и классовая структура, характерные для начала XX в. во многом сохранялись.

На наш взгляд, специфика периода, когда проводилась перепись 1931 г., заключалась в том, что социальной структуры с относительно постоянными характеристиками в Туве в тот момент не было, переписная кампания совпала с серьезной перестройкой общественных отношений, и в этой связи она зафиксировала в моменте изменяющуюся обстановку. Класс феодалов и феодальный уклад были ликвидированы. Социальное неравенство, основанное на количестве скота, и использование частными хозяйствами труда бедняков за одежду, пропитание сохранялись. Государственно-политические решения об освобождении ниш частной торговли и ростовщичества и замене их государственной торговлей и государственным банковским кредитованием были приняты, но эти процессы протекали не быстро. Через два года после переписи в 1933 г. рамках исправления «левацких перегибов» новая экономическая политика ТНР вновь была направлена развитие частной инициативы. Поэтому данные переписи 1931 г., касающиеся экономических отношений, собственности и социальной структуры, ни в коей мере нельзя экстраполировать на период ТНР в целом, а также на 1920-е гг. и 1940-е гг., так как они запечатлели короткое по времени сосуществование разных укладов и систем.

Литература:

1. Бажутин 1967 – Бажутин Б. П. Победа Ленинского кооперативного плана в Туве / Ученые записки. Вып. XII. Тувинский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Кызыл. Типография Управления по печати при Совете министров Тувинской АССР. 1967. С. 45–56.
2. Вайнштейн 1972 – Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М.: издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1972. 313 с.
3. Гребнев 1968 – Гребнев Л. В. Изменение социальной структуры в Туве. / Ученые записки. Вып. XIII. Тувинский научно-исследовательский институт

- истории, языка и литературы. Кызыл. Типография Управления по печати при Совете министров Тувинской АССР. 1968. С. 47–77.
4. Гребнев 1971 – Гребнев Л. В. Национальный отряд рабочего класса Тувы / История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ. 1971. СО ИИФФ, Бурятский филиал; Институт общественных наук. 189 с. С. 19–24.
5. Гребнев 1955 – Гребнев Л. В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. ТНИИЯЛИ. Кызыл: ТНИИЯЛИ. Тувинское книжное издательство. 1955. 100 с.
6. Гребнев, Очур 1971 – Гребнев Л. В., Очур В. Ч. Рабочий класс Тувы. Отв. ред. Г. А. Докучаев. Кызыл: ТНИИЯЛИ. Тувинское книжное издательство. 1971. 235 с.
7. Дулов 1956 – Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 609 с.
8. Иконников 1967 – Иконников Н. П. От Тувы феодальной – к Туве социалистической (цифры и факты) / Ученые записки. Вып. XII. Тувинский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Кызыл. 1967. С. 171 – 185.
9. История Тувы 2007 – История Тувы в 3-х т. II т. 2007. Новосибирск: «Наука». 430 с.
10. История Тувы 1964 – История Тувы в 2-х т. Том II. М.: «Наука». 1964. 455 с.
11. Кабо 1934 – Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Москва, Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 1934. 202 с.
12. Митупов 1971 – Митупов Б. М. Основные проблемы истории формирования рабочего класса в национальных районах Сибири / История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ. 1971. СО ИИФФ, Бурятский филиал; Институт общественных наук. 189 с. С. 3–10.
13. Моллеров 2022 – Моллеров Н. М. История зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.). Кызыл. КЦО «Аныяк». 2022. 376 с.
14. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров Н. М., Натсак О. Д., Самдан А. А. По пути народовластия. Представительно-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). 2021. Абакан: ООО «ИПП «Журналист». 304 с.
15. Натсак 2022 – Натсак О. Д. Внешнеполитические и внутривнутриполитические причины вооруженного восстания на Хемчике в 1930 г. // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 2(2). С. 48–78. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-48-78
16. Осипова 1961 – Осипова В. В. Сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. как важнейший источник характеристики экономического строя сельского хозяйства Тувы (1921-1930 гг.) / Ученые записки. Вып. IX.

Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл. Типография управления культуры. 1961. С. 99–124.

17. Очерки истории 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1975. 408 с.

18. Плеханова 2011 – Плеханова Ю. Н. Тува от переписи до переписи / Материалы заочной конференции к 200-летию юбилею российской статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Кызыл. 2011. 170 с. С. 26–34.

19. Рандалов 1980 – Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. АН СССР. СО. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. Новосибирск: издательство «Наука». Сибирское отделение. 1980. Отв. ред. И. А. Асалханов. 286 с.

20. Хаптаев 1971 – Хаптаев П. Т. Некоторые вопросы формирования и развития рабочего класса в национальных районах Сибири (1939-1959) / История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ. 1971. СО ИИФФ, Бурятский филиал; Институт общественных наук. 189 с. С. 11-19.

21. Шахунова 1955 – Шахунова П. А., Лиханов Б. Н. Советская Тува (природа, население, хозяйство). Ред. Л. Н. Леонтьев. Кызыл: ТНИИЯЛИ. Тувинское книжное издательство. 1955. 156 с.

References:

1. Bazhutin, B. P. (1967) “Pobeda Leninskogo kooperativnogo plana v Tuve” [The Victory of Lenin's Cooperative Plan in Tuva], *Uchenye zapiski*, vyp. XII, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jazyka i literatury, Kyzyl, tipografija Upravljenija po pečati pri Sovete ministrov Tuvinskoj ASSR, p. 45–56.

2. Vajnshtejn, S. I. (1972) “Istoricheskaja jetnografija tuvincev” [Historical Ethnography of Tuvans], Moscow, izdatel'stvo «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 313 p.

3. Grebnev, L. V. (1968) “Izmenenie social'noj struktury v Tuve” [Transformation of the social structure of Tuva], *Uchenye zapiski*, vyp. XIII, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jazyka i literatury, Kyzyl, tipografija Upravljenija po pečati pri Sovete ministrov Tuvinskoj ASSR, p. 47–77.

4. Grebnev, L. V. (1971) “Nacional'nyj otrjad rabocheho klassa Tuvy” [National Working Class of Tuva], *Istorija rabocheho klassa, krest'janstva i intelligencii nacional'nyh rajonov Sibiri (Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii)*, Ulan-Udje, SO IIFF, Burjatskij filial; Institut obshhestvennyh nauk, 189 p., p. 19–24.

5. Grebnev, L. V. (1955) “Perehod tuvinskih aratov-kochevnikov na osedlost” [The Transition of Tuvan Arat Nomads to settlement], Kyzyl, TNIJaLI, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 100 p.

6. Grebnev, L. V., Ochur, V. Ch. (1971) “Rabochij klass Tuvy” [Working Class of Tuva], ed. by G. A. Dokuchaev, Kyzyl, TNIIJaLI, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 235 p.
7. Dulov, V. I. (1956) “Social'no-jekonomicheskaja istorija Tuvy (XIX — nachalo XX v.)” [Socio-Economic History of Tuva (XIX — early XX century).]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 609 p.
8. Ikonnikov, N. P. (1967) “Ot Tuvy feodal'noj – k Tuve socialisticheskoy (cifry i fakty)” [From Feudal Tuva to Socialist Tuva (Figures and Facts)], Uchenye zapiski, vyp. XII, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jazyka i literatury, Kyzyl, p. 171–185.
9. “Istorija Tuvy v 3-h t.” (2007) [History of Tuva in 3 vol.], vol. II, Novosibirsk, Nauka, 430 p.
10. “Istorija Tuvy v 2-h t.” (1964) [History of Tuva in 2 vol.], vol. II, Moscow, Nauka, 455 p.
11. Kabo, R. (1934) “Ocherki storii i jekonomiki Tuvy” [Essays on the History and Economy of Tuva]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 202 p.
12. Mitupov, B. M. (1971) “Osnovnye problemy istorii formirovanija rabocheho klassa v nacional'nyh rajonah Sibiri” [The Main Problems of the History of the Formation of the Working Class in the National Region of Siberia]. Istorija rabocheho klassa, krest'janstva i intelligencii nacional'nyh rajonov Sibiri (Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii), Ulan-Ude, SO IIFF, Burjatskij filial; Institut obshhestvennyh nauk, 189 p. P. 3–10.
13. Mollerov, N. M. (2022) “Istorija zarubezhnoj kolonii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921-1944 gg.)” [History of the Foreign Colony in the Tuvan People's Republic (1921-1944)], Kyzyl, KCO «Anyjak», 376 p.
14. Mollerov, N. M., Natsak, O. D., Samdan, A. A. (2021) “Po puti narodovlastija. Predstavitel'no-zakonodatel'naja vlast' Tuvy (predparlamentskij period)” [On the Path of Democracy. Representative Legislative Power of Tuva (Pre-Parliamentary Period)]. 2021. Abakan: OOO “IPP «Zhurnalist”», 304 p.
15. Natsak, O. D. (2022) “Vneshnepoliticheskie i vnutripoliticheskie prichiny vooruzhennogo vosstanija na Hemchike v 1930 g.” [Foreign and Domestic Political Causes of the Armed Uprising in Khemchik in 1930], Aziatskie issledovanija: istorija i sovremennost', no. 2 (2), p. 48–78. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-48-78.
16. Osipova, V. V. (1961) “Sel'skohozejstvennaja i demograficheskaja perepis' 1931 g. kak vazhnejshij istochnik harakteristiki jekonomicheskogo stroja sel'skogo hozjajstva Tuvy (1921-1930 gg.)” [The Agricultural and Demographic Census of 1931 as the Most Important Source of Characteristics of the Economic System of Agriculture in Tuva], Uchenye zapiski, vyp. IX, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, Kyzyl, Tipografija upravlenija kul'tury, p. 99–124.
17. “Ocherki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS” (1975) [Essays on the History of the Tuvan organization of the CPSU], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 408 p.

18. Plehanova, Ju. N. (2011) “Tuva ot perepisi do perepisi” [Tuva from Census to Census], *Materialy zaочноj konferencii k 200-letnemu jubileju Rossijskoj statistiki, territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Tuva, Kyzyl*, 170 p, p. 26–34.
19. Randalov, Ju. B. (1980) “Izmenenie social'noj struktury sela nacional'nyh rajonov Sibiri v uslovijah razvitogo socializma” [Changes in the Social Structure of Rural Areas of the National Regions of Siberia in the Conditions of Developed Socialism], AN SSSR. SO, Burjatskij filial. Burjatskij institut obshhestvennyh nauk, Novosibirsk, izdatel'stvo «Nauka», Sibirskoe otделение. 1980, otv. red. I. A. Asalhanov, 286 p.
20. Naptaev, P. T. (1971) “Nekotorye voprosy formirovanija i razvitija rabochego klassa v nacional'nyh rajonah Sibiri (1939-1959)” [Some Issues of the Formation and Development of the Working Class in the National Regions of Siberia (1939-1959)], *Istorija rabochego klassa, krest'janstva i intelligencii nacional'nyh rajonov Sibiri (Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii)*, Ulan-Udje. SO IIFF, Burjatskij filial; Institut obshhestvennyh nauk, 189 p., p. 11–19
21. Shahunova, P. A., Lihanov, B. N. (1955) “Sovetskaja Tuva (priroda, naselenie, hozjajstvo)” [The Soviet Tuva (Nature, Population, Economy)], ed. by L. N. Leont'ev, Kyzyl, TNIIJaLI, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 156 p.

Информация об авторе:

Органа Д. Натсак, кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: nod695596@gmail.com

Author ID РИНЦ: 1079250

Information about the author:

Organa D. Natsak, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: nod695596@gmail.com

© Натсак О. Д., 2025